

ИМАН
КАЛЬБИ

ЧЕТЫРЕ ЖЕНЫ

моего мужа

ВЫЖИТЬ В ГАРЕМЕ

18+

Иман Кальби

**Четыре жены моего
мужа. Выжить в гареме**

«Автор»

2026

Иман Кальби

Четыре жены моего мужа. Выжить в гареме / Иман Кальби —
«Автор», 2026

Я оказалась на Ближнем Востоке в свой медовый месяц, думая о настоящем и будущем, но судьба приготовила мне встречу с прошлым. Мой муж — в тюрьме, наша яхта захвачена, а я — рабыня у ног человека, которого когда-то предала. Хамдан аль-Мазири, Правитель Сабы, моя первая любовь и самая горькая тайна, теперь держит мою жизнь в своих руках. Он жесток, циничен и женат на трёх женщинах. Но его взгляд, когда он смотрит на меня, всё так же обжигает. «Станешь служанкой» одной из моих жен, — приговаривает он, обрекая на унижения. Но когда на кону оказывается моя жизнь, он бросается в пустыню один, чтобы спасти меня. Он ненавидит меня за отказ в прошлом. Я ненавижу его за то, что он до сих пор снится мне по ночам. Но сможет ли страсть, граничащая с безумием, переписать нашу историю, если я никогда не соглашусь делить своего мужчину с другими? История любви, которую не смогли переписать даже джинны...

© Иман Кальби, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Иман Кальби

Четыре жены моего мужа. Выжить в гареме

Глава 1

– Глаза в пол!– чувствую грубый толчок в спину начальника королевской стражи.

Руки затекли от того, как сильно их сжимают туго затянутые веревки.

Ступни зудят от ожогов- я час шла по пустыне босиком.

Слез нет. Они высохли на зное вместе с моими иллюзиями. И кожей, которая горит от покраснения.

Когда кажется, что дальше падать в преисподнюю некуда, голос эзекутора погружает в новый круг ада...

Туда, куда я никогда, ни в одном страшном сне не думала, что попаду.

– Трепещи! Перед тобой Правитель Сабы Хамдан аль- Мизири... Подними глаза, рабыня, поприветствуй своего нового господина, но не смей встать, как равная.

Вскрикиваю от того, как по ступням больно бьет палка, а потом- точно такой же укол в сердце... Даже не знаю, что больнее.

Не может быть...

Это дурной сон...

Передо мной не просто грозный правитель, который за последние сутки причинил мне столько боли.

Я знаю этого человека.

Мою первую любовь.

Мое искушение.

Мою слабость...

Мою тайну...

Он- шепот моей юности. Ее искра и нежность, ее рай и ад. Он- боль разлуки и отчаяние безвыходности...

Мужчина, который так искренне, так рьяно клялся мне в вечной любви, что я задыхалась от слез. Задыхалась, потому что эту любовь принять не имела права.

Мы были из разных культур и миров. Сведенные хитроумными политическими интригами, заложники юношеских чувств... Двумя отчаянными влюбленными, судьба которых не могла пересечься...

Когда-то в России он протягивал мне руку, моля бежать с ним...

А я отказалась, выбрав свою семью. То, что правильно, понятно и неопасно...

А теперь у меня нет ни семьи, ни его любви...

Зато есть ненависть в его глазах. Такая лютая и всепоглощающая, что меня трясет...

Он касается моего подбородка, обжигая прикосновением.

Когда-то я знала каждую линию на его пальцах. Когда они трогали мою кожу, она горела. Словно бы он умел ее зажигать изнутри.

Приподнимает лицо, заставляет смотреть в глаза. Специально глубоко и долго.

– Ну, здравствуй, Фиалка...

По коже озноб от его идеального русского.

Господи...

Никто не знал про то, как он называл меня теми жаркими ночами, когда забирался с улицы по старому вязу в мою комнату и шептал о том, что любит, горит, что я предначертана ему судьбой, что судьба не зря была с ним так жестока- что провидение специально отправило его таким жестоким длинным путем- для встречи со мной... Он говорил, что мои глаза в ночи от его поцелуев светятся фиолетовым, как этот цветок... И что этот блеск может видеть только он – ибо больше ни для кого я так не раскрываюсь и никогда не раскроюсь.

– Я буду твоим первым мужчиной, Фиалка... И единственным... Всевышний создал тебя для меня... – шептал он, трогая, но никогда не переходя грань...

– Нам нельзя, Хамдан. Нам нельзя... – плакала я, а он собирал мои слезы губами, целовывал.

– Кто сказал, что нельзя, любимая?! Я единственный правитель Йемена! Я будущий султан! Слово султана – закон! Мой народ примет тебя, потому что таковой будет воля их правителя! Моя королева будет из России! Единственная моя!

Он говорил- а я плакала, плакала...

Плакала взхлеб.

Потому что понимала, что все его мечты- иллюзии...

Мой отец был экс-протектором Йемена.

Долгие десять лет он руководил этой утопающей в крови революций и межплеменных распрей богатой и плодородной древней землей.

Руководил как пришлый, поставленный сильным государством.

В свое время таковым было решение этого застарелого, болезненного конфликта- управление землей извне, создание конфедерации племен и залог этого хрупкого мира- наследник главной династии Аль-Мазири...

Это старинный обряд, уходящий своими корнями в далекое прошлое средневековых распрей. Аманат. Гарантия мира за счет того, что продолжатель рода переезжал в дом к тому, кто победил... Равновесие, баланс, тот последний элемент, который держит весь баланс или этот самый баланс обрушивает.

Таковым было решение племен- отдать Аль-Мазири на воспитание в Россию в то время, как она будет гарантировать мир между племенами для остальных. Это устраивало те кланы, что не принимали власть правящей семьи. Так маленький Хамдан попал в наш дом...

До пяти лет он жил с моим отцом в Сабе, когда тот еще сам был холостяком, грезящим лишь о миражах в пустыне. Потом отца отправили на родину и приказали забрать мальчика.

Дома папа женился на маме, родилась я. Хамдан все эти годы жил с нами. Он получал достойное образование, отец ни в чем ему не отказывал и никогда не проявлял свое неуважение, он не запрещал ему изучать свою историю и помнить корни, но... связей с родиной у опального принца никогда не было.

Их и не могло быть. Такие «человеческие залогов», коим он стал – это история на всю жизнь. История знает слишком много таких горьких примеров. Арабские халифаты, Османская империя, европейские державы, кавказские князья при царском российском престоле после затяжных войн...

И Хамдан. Принц без страны. Будущий султан без трона...

Когда я выросла, его горячий взгляд слишком часто на мне задерживался. Слишком яркие были чувства эффектного, ослепительной красоты юноши, на которого сворачивали головы все девушки.

Черные густые ресницы обрамляли белоснежные белок глаза. Черные яблоки глаз больше напоминали тлеющие угли. Красивый... Слишком красивый, чтобы кто-то прошел мимо и не заметил...

И этот красавец замечал только меня...

Но было одно но...

Мой бдительный, пронизательный отец тоже сразу заметил это внимание.

Он вызвал меня к себе в кабинет и сказал об этом только раз, но я помню этот разговор как вчера.

– Не насвершай глупостей, Виталина. Эти чувства невозможны. Эта любовь без будущего.

– Но если... Если Хамдан вернет власть...– робко спросила я, тогда еще вообще ничего не понимая в политических хитросплетениях...

Отец лишь усмехнулся.

– Этого никогда не произойдет, Вита. Хамдан обречен на изгнание. С ним у тебя нет будущего. Не ломай себе жизнь. И ему не ломай. Страсть мужчины- как огонь в очаге. Именно женщина ее и поддерживает... Ты не должна стать якорем, который будет тянуть его ко дну.

Но разве я могла противостоять этому взгляду?

Разве когда Хамдан в первый раз схватил меня за домом в слепой зоне, где не было камер, и прижал к своему шикарному мускулистому телу, я могла сказать нет?

И все же он сдерживал свою страсть...

– Я не оскорблю тебя осквернением, любимая...– шептал он, когда я, потеряв себя в желании и экстазе, сама не понимала, как много я у него прошу, как смелы мои просьбы...– ты станешь моей женщиной в полном смысле этого слова только тогда, когда станешь моей королевой...

Королева...

Я уже знаю, что теперь их у него не одна, а три...

Султан Хамдан женат... Не на одной.

И я тоже замужем...

Была... Как три дня после свадьбы.

У меня только начался медовый месяц, когда все это случилось...

– Как дела, Фиалка?– возвращаюсь в реальность от его голоса...

– Что происходит?– спрашиваю сипло, теряя половину букв в своей панике,– Хамдан, что происходит?

Стоит мне произнести его имя, вскрикиваю, потому что по ногам снова прилетает.

Это бастинадо или фаллука. Одна из самых эффективных и изощренных форм наказания и дисциплины в восточных гаремах. Ступни и икры чрезвычайно чувствительны, но синяки и ушибы на них не так заметны для глаз того, кого ты призвана услаждать своим видом...

– Не смей называть великого правителя по имени, рабыня!– слышу я грозное гарканье на арабском.

Хамдан не останавливает экзекутора и дает ему ударить меня снова.

Я борюсь с желанием разрыдаться от шока, глубоко и порывисто дыша...

– Очень самонадеянно было красоваться в моем заливе со своим драгоценным муженьком, Виталина. Мои люди не любят такую наглость...

– Мы не знали...– давлюсь я от эмоций,– мы не знали, что яхта заплыла в залив, Правитель! Мы просто вышли из Омана на прогулку на яхте. Сильное течение и шторм отнесли нас к этим берегам, мы...

– Хватит,– поднимает он руку к лицу, всем своим видом показывая, что я его утомила,– мне не интересны подробности твоих брачных игр, Виталина. И тебе советую о них забыть... Для тебя это уже не актуально.

Он говорит это, а по моему телу бежит волна ужаса...

О чем он?

Где мой муж? Почему он сейчас не здесь, со мной, у его ног...

Он уважаемый человек, с дипломатическим иммунитетом...

Если бы Хамдан это знал, не пошел бы на обострение, я уверена... Это ведь политический вопрос...

– Почему неактуально? Где мой муж, Правитель? Уверена, он объяснит все недоразумения. Наша яхта вторглась в ваши территориальные воды по ошибке. Если нужно заплатить штраф, то...

– Нет, что ты. Ничего платить не нужно. Мы ведь с тобой старые знакомые... Если тебя так интересует, что с твоим мужем, то он в тюрьме. Твоего мужа, Виталина, на рассвете казнят.

В ушах нарастает гул.

Мне плохо.

Физически плохо настолько, что я складываюсь пополам...

– Почему?– голос шелестит, как безжизненный песок в пустыне.

– Потому что я так решил,– усмехается он. Его взгляд без эмоций. Непроницаемый в своей жестокости.

– Господин, – услужливо прокашливается рядом слуга с каким-то толстым блокнотом наперевес,– через пятнадцать минут встреча со сватами... Отец distinguished Нивин бен Белла Шаар прибыл во дворец...

– Прекрасно, Мамед. Я сам выйду на встречу Шейху. Нужно оказать честь отцу моей будущей четвертой жены.

Я не хочу это слышать. Не хочу это понимать, но понимаю...

Хамдан сам учил меня своему наречию арабского.

Это были горячие уроки, наполненные страстью...

А еще у меня феноменальная способность схватывать языки.

И потому я знаю, о чем они говорят между собой...

А лучше бы не знала...

Он разворачивается, словно бы сразу утратив ко мне интерес, идет на выход.

– Эту куда? В гарем?– уточняет вслед тот, что с блокнотом.

Хамдан снова на меня оборачивается.

Окидывает таким снисходительным, пренебрежительным взглядом, что внутри все сжимается.

– В гарем? Нет... Для гарема она уже не сгодится. Отдай ее в личные служанки к моей первой жене. Пусть помогает Фатиме и делает то, что та прикажет.

Глава 2

Ночь здесь черная настолько, что ты не видишь даже своих рук.

Мне страшно...

Страшно и одиноко в этом мраке неизвестности.

Хочется выть, но кому есть дело до моей истерики?

Еще вчера я была завидной невестой, а сегодня рабыней...

Меня не повели напрямик к Фатиме.

Ее главная служанка высокомерно оглядела меня с ног до головы и сказала, что повелительница уже отдыхает, а меня ей в лучшем случае покажут только к вечеру завтрашнего дня, когда дворец покинет процессия великого шейха Шаара.

Меня кинули в темницу. Пережидать.

Туда, где не было света, а на полу - только жесткий матрас.

И темнота вокруг, темнота.

Вздрыгнула, когда стены напротив коснулась робкая струя света.

Что это?

Приподнялась на цыпочки.

В узкое окно в решетке сочился лунный свет. Я смогла поймать лишь маленький лоскут неба - и вздрогнуть от того, какими были на нем звезды...

На глазах невольно проступили слезы...

Я вспоминала...

Господи, сколько же я вспоминала за эти часы...

Я помню, как сейчас... Мы рядом с Хамданом. Утопаем друг в друге. Подмосковное небо было натянуто над нами черным бархатом, и звезды казались россыпью алмазов, спрятанных в складках тьмы. Я лежала в его объятиях, слушала, как ровно и глубоко дышит он, и старалась запомнить каждый его вздох, каждый оттенок его голоса.

– Здесь красиво, – сказала я тихо, глядя на Большую Медведицу, которая лениво плыла над нами.

Он улыбнулся – я почувствовала движение его губ у своих волос.

– Красиво, – согласился он, – но ты бы видела, как звезды горят над моей землей. Над землей Сабы.

Он любил рассказывать про свой край...

Даже странно, сколько о нем он помнил, ведь забрали его совсем маленьким...

Я повернула голову, заглянула в его глаза.

– Сабы? – повторила я, словно пробуя вкус незнакомого слова, – почему ты всегда так называешь свою родину?

– Это ее истинное название, – он произнес это почти торжественно, – это древнее имя моей родины, Йемена. У нас звезды – не просто огни. Они – врата. Они висят низко. Протяни руку – и дотронешься. Ночи там теплые, сухие, и воздух прозрачный. Когда лежишь в пустыне, то небо превращается в океан, а ты – маленькая лодка посреди сияния.

Я закрыла глаза, представляя все то, что он говорил: горячий песок под ладонью, бескрайняя тишина и тысячи звезд, которые будто приближаются к тебе.

– И чем они лучше наших? – спросила я упрямо, с легкой улыбкой.

– Лучше? – он усмехнулся в ответ. – Они ярче, острее. Здесь звезда мягкая, как свеча за матовым стеклом. А там – как клинок. Ты смотришь, и она режет глаза, пробивает сердце. У нас нет такого влажного воздуха, как здесь. Там каждый луч доходит до тебя без препятствий.

– А если бы я лежала там, рядом с тобой... я бы видела то же самое, что сейчас?

Он замолчал, и в его паузе было столько нежности, что мне захотелось удержать ее навсегда. Это и есть любовь, наверное...

– Ты бы увидела больше. Там есть одна звезда, Сухайль. Вы называете ее Канопус. Она сияет так ярко, что кажется, будто спускается к самому горизонту, почти касается земли. Но здесь... здесь, в России, ты ее никогда не увидишь. Она слишком южная.

– Никогда? – переспросила я, будто не верила, что бывают такие звезды – скрытые, запретные.

– Никогда, – тихо повторил он. – Для тебя Сухайль можно увидеть только у меня, на земле Сабы. Там старики говорят: кто найдет его в небе, того ждет счастье и длинная дорога. Я покажу ее тебе, Фиалка. Когда заберу к себе, на твою новую родину...

Я замолчала. На мою новую родину... Он говорил об этом как о свершившемся факте... О нашем будущем, о нашем счастье... А я знала уже, что оно невозможно... Отец уже сказал мне, что скоро будет думать о том, чтобы засватать...

И в эту тишину звезды над Подмосковьем вдруг показались мне скромными, застенчивыми. Они светили мягко, будто боялись сравнений. А где-то далеко, над чужой землей, горела звезда, которую я никогда не увижу, пока он не поведет меня за собой.

И вот, я здесь на земле Сабы.

И он рядом.

Чужой, жестокий, не мой...

Судьба зло надругалась надо мной, лишив всего в жизни, за что я цеплялась, но снова послал Его...

Только теперь не в роли ангела, а демона.

Мысли о грядущем выворачивали наизнанку...

Вздрыгнула, когда услышала, как по стене ударил маленький камешек.

– Вита... – тихий мужской шепот, который пронзил меня диким уколом сначала страха, а потом надежды...

– Филипп! – закричала я и бросилась к решетке.

Там стоял мой муж...

Живой и невредимый...

Пока...

– Как ты, Вита?

– Нормально... – глотая слезы, вцепилась до рези в ладонях в шершавые прутья решетки, – ты как, Фил?

Он только лишь хмыкнул...

– Времени мало, дорогая... Надо бежать... – произнес рваным шепотом и вытащил из кармана большой ключ...

Глава 3

Я держалась за Филиппа изо всех сил, обхватив его за талию, когда он вел нашу измученную лошадь сквозь раскаленные пески. Мы вырвались из темницы на рассвете, когда день только-только занимался. Запах сырости, ржавчины и страха еще стоял в ноздрях, но теперь воздух был иной: сухой, беспощадный, будто весь мир хотел нас испепелить.

Копыта тяжело проваливались в рыхлый песок. Лошадь фыркала, спотыкалась, я чувствовала, как ее мышцы дрожат подо мной.

Когда потоки ветра усилились и с каждой минутой дышать становилось все тяжелее, Филипп заругался вслух.

Я тоже понимала, что это конец...

Песчаная буря.

Хамсин...

Даже опытные бедуины не в состоянии пережить такой в пустыне без укрытия...

Ветер поднимал песчаные вихри, и мы словно плыли в золотом море, которое само себя пожирало. Песок лез в рот, скрипел на зубах, резал глаза. Каждый вдох был как ожог.

Солнце било сверху, безжалостное и вечное. Тень исчезла давно – мы были обнажены перед пустыней. Бурдюк звякнул пустотой. Муж не рассчитал воду... Подкупленный стражник, которому Фил отдал эксклюзивный Ролекс за сто тысяч долларов, наврал нам про расстояние до ближайшего оазиса, а может это мы сбились с маршрута...

Вода была на исходе. Силы- уже истощены...

Фил протянул мне щепоть соли, заставил открыть рот. Неприятно. На фоне жары и жажды- вдвойне!

Но я все равно послушно положила кристаллы на язык. Сначала обожгло, стало хуже. Но потом – странно – жажда словно отступила на шаг. Или это лишь обман чувств?

Мы шли так весь день. Я теряла счет времени: только жар, боль, шаги, глухие удары сердца в висках. Лошадь еле держалась. Я не знала, что страшнее – рухнуть сейчас в песок или продолжать идти.

Что ждало нас впереди?

Миражи... Наверное это были миражи... Теперь я понимаю, что это такое. Нелепая надежда... Сначала – темная полоса вдаль, будто вода. Я обрадовалась, закричала, дернула Филиппа за плечо. Но он лишь покачал головой, еще сильнее мрачней. Позже я увидела стены – высокие, белые, сияющие. Слово дворец... Комфортабельный отель... Вилла какого-то купца... Но это было только солнце, играющее с моим разумом.

Мы шатались, как тени. Казалось, вот-вот падем. Я слышала окрики, будто кто-то шел рядом и звал, и каждый раз это оказывался лишь ветер.

Я слышала Его смех, Его хриплый шепот. Шепот о любви... На русском вперемешку с его наречием... Он звал меня Фиалкой... Он говорил, что я не уйду от него...

А потом, когда мы уже перестали ждать и надеяться – они появились. Сначала я подумала, что это очередное видение. Но нет. Темные силуэты всадников прорисовывались все четче. И они были не впереди, где был хоть какой-то луч призрачной надежды, а сзади... Песок вздымался за ними. Настигают. Настоящие.

Филипп выпрямился, сжал мою руку. Он хотел защищать, но я понимала. Что сил у нас уже не было. Лошадь надсадно зафыркала и остановилась. Я закрыла глаза. Мы сделали все, что могли. Пустыня и судьба забрали нас.

– Взять их! – слышу сквозь завывающую песчаную мглу на расстоянии.

Наверное, этот гортанный окрик нас хоть немного оживил...

Фил напряженно оборачивается, но лишь сильнее сжимает поводья и пускает и без того изможденного коня вскачь.

У меня в голове словно бы рой пчел.

Мы деморализованы, умираем от жажды, дезориентированы...

Впереди только пустота и боль...

А позади?

Позади тоже пустота и боль.

Она разверзлась над нами, как беззубая пасть- и вот-вот поглотит!

– Держись за меня!– кричит Филипп, -крепче!

Мы пытаемся оторваться, но конь не слушается.

Он громко ржет и спотыкается, увязывая в песке.

Я плачу, но слезы тут же каменеют на глазах- их облепляют песчинки и вместо влаги оставляют на щеках коросты...

– Сейчас я создам завесу из песка, а ты попробуй спрятаться, Вита!– кричит мне напряженно Фил.

Я только сейчас вижу, как справа от нас вырисовывается песчаная гора с отрогами. Сначала решила, что это тоже мираж, но нет...

В следующее мгновение я слышу истошный крик лошади. Брызги крови! В ужасе понимаю, что это Филипп сам перерезал ей глотку.

Она безвольно опадает на песок, но перед эти бьется в хаотичных конвульсиях. Реально, вокруг нас пыль коромыслом.

– Бегом!– приказывает он,– я слушаюсь и тут же ныкаюсь в отроге, похожем на пещерку.

На мне телесного цвета бурнус- мысленно молю, что удалось спрятаться... Что они не отыщут...

Филипп срывает полупустой бурдюк с водой и идет вперед. Нет, он не бросает меня, конечно.

Он просто пытается перехватить их внимание, отвлечь на себя.

Пара минут- и я слышу визг и крики.

Это всадники. Его всадники.

Облаченные в черное, с жуткими, сверкающими глазами и такими же точно заточенными кинжалами.

Они проносятся мимо, вслед за Филиппом.

Я жмурюсь и начинаю молиться, когда слышу нарастание криков. Поймали... Господи, пусть они его не убьют... Хотя бы здесь... В этом песчаном аду...

Минута, вторая, третья... Время то ли замирает, то ли начинает течь как-то по-особенному.

Буря словно бы умолкает.

В ушах звенит, как будто меня контузили.

Я не смею пошевелиться.

Только молюсь...

Даже если я выживу, куда мне идти в этом серо-желтом безмолвии? Мне кажется, что паника и шок даже уносят меня в какой-то сабспейс.

Я между явью и реальностью... Не знаю, сколько так проходит.

Только когда небо начинает покрываться вуалью из нарастающей мглы, понимаю, что уже вечерет.

Скоро ночь... Пережить ночь в пустыне- это уже чудо...

Чуть приподнимаюсь, в надежде оглядываюсь по сторонам. Ни огонька, ни факела... да и кто сказал, что за этими огнями мое спасение? Я на земле врага.

Не решаюсь встать. Здесь, в коконе этой полу пещерки я хотя бы как-то смогу согреться. Смотрю на небо, которое постепенно расцветает звездами.

На глаза наворачиваются слезы.

Я вижу ее.

Аль-Сухайль...

Звезда Юга...

Разве могла я предположить в страшном сне, что увижу ее в таком месте и в такой момент...

Он обещал, что будет рядом, когда небо покажет мне ее...

А я в шаге от смерти.

Сердце ежится, когда я слышу крики гиен и пустынных лис.

Они учуют мой запах рано или поздно, придут за мной...

Отец всегда рассказывал, что самое страшное, что ждет чужака в этих краях- остаться один на один с пустыней ночью. Даже если он выживет, джинны к утру лишат его рассудка...

Снова и снова думаю о том, что лучше бы я сдалась... Вышла к безжалостным пленителям, приняла бы свою смерть или пытки, зато все закончилось бы быстро, а не так. Как сейчас...

Мамочка, мама... Папа... Почему судьба так жестока со мной? Я и правда предательница своей любви? Потому она так сильно меня наказала?

Когда жалость к себе достигает немислимых масштабов и я все-таки в голос жалобно всхлипываю, чувствую сверху шевеление.

Замираю...

Вот и мой конец...

Глаза снова в первом инстинктивном порыве жмурятся.

Я сжимаю кулаки.

Готовлюсь к худшему.

Кто-то стоит надо мной.

Хищник или палач?

Спасение или гибель?

– Видела мою звезду, Фиалка?– спрашивает на русском хриплым голосом.

И я словно бы в песок сама превращаюсь.

Не могу даже пошевелиться от оцепенения.

Хамдан сам сейчас передо мной.

Ни одной души вокруг.

Я судорожно всхлипываю вместо ответа, а он тут же подхватывает меня на руки и через мгновение перекидывает через своего коня, усаживаясь сам.

Я сама сейчас как бурдюк с водой.

Голова, ноги и руки беспомощно дергаются от каждого прыжка коня.

Мы совершенно одни в пустыне, рассекаем ее мглу.

Как правитель Сабы не побоялся встретиться с темнотой ночи один на один? И как он нашел меня? Как?

Глава 4

Он, я, пустыня...

Словно бы мира больше нет- и только мы остались в этом бескрайнем черном безмолвии.

Я снова теряюсь во времени.

Его рука на моей спине жжет.

Сердце неистово бьется в груди.

Останавливаемся, спрыгивает с лошади, стягивает меня.

Нет, это все еще бескрайние пески.

Снова задаюсь вопросом, почему он тут один.

Хамдан срывает с пояса небольшой бурдюк, привязанный рядом с джамбией, традиционным йеменским мечом, и протягивает мне.

Жадно впиваюсь в него губами под его дикий взгляд.

Не могу не поперхнуться- это не вода, это буза- подобие нашего вина. Правоверные его не пьют, но до ислама этот напиток был широко распространен в этих краях...

На пустой желудок градусы сразу бьют в голову. Я чувствую головокружение и сразу резкий укол прилива сил.

Отрываюсь, наконец, от сосуда.

Вытираю губы.

Всё смотрит на меня. Смотрит и смотрит...

– Почему великий Правитель Аль-Мазири один в пустыне ночью? Разве это не опасно?

Наверное, еще мгновение назад я была слишком деморализована, чтобы вот так нагло задавать ему опросы, а сейчас могу... Сейчас в крови промилле.

Скалится.

– Потому что я и есть пустыня, наивная. В этих землях теперь нет того, чего мне стоит бояться... Когда падаешь на самое дно, легче отталкиваться и подниматься на самый верх... Так учил твой отец...

Отец... Он упоминает его- и мое сердце останавливается. Если бы он только был жив...

– Я знаю, что он умер полгода назад. Прими мои соболезнования. Он не был плохим человеком. Просто политиком. Циничным прагматиком.

Каким, видимо, стал и сам Хамдан...

Я успела узнать, что все его жены- это политические союзы с местными влиятельными племенами. Вот почему ему нечего бояться. Он прикрыт со всех сторон.

– Почему Филипп Аккерт, Виталина? Он старше тебя на двадцать лет...

– Его выбрал мой отец перед смертью, – опускаю глаза на песок, – но это не имеет значения. Он благородный, добрый, заботливый, понимающий...

– Хочешь его? Как самка... – спрашивает в лоб. Так, как только он умел всегда. По-животному... Вопросы ниже пояса у Хамдана всегда были настолько естественными, само собой разумеющимися, что я каждый раз становилась пунцовой...

«Не бывает иначе, Фиалка. Я хочу тебя, а ты хочешь меня. Вот правда между мужчиной и женщиной. Единственная существующая... Но тебе даже говорить не нужно- я это вижу в твоих глазах. Когда ты течешь по мне, у тебя на дне глаз играет фиолетовый оттенок... С ума схожу от этого...»

Его слова тогда были такими грубыми, такими откровенными для меня, восемнадцатилетней девочки... Каждое слово- как лава. Каждое прикосновение, даже самое невинное- поток впечатлений для бессонных ночей... Можно ли было пережить первую любовь ярче? Едва ли... На самом деле, первая любовь ведь даже не про секс. Это именно про это самое чувство внутри, которое даже описать односложно не получится. Слишком это глубоко и лично...

– Он мой муж... Я его уважаю и люблю! Он умный и заботливый! – меня потряхивает. Знал бы он... Господи, какой ужас... У меня ведь толком не было еще брачной ночи с Филом. У него... Как это говорят, пряча взгляд, проблемы с потенцией, о которых он удосужился мне сообщить только после нашей свадьбы. Немудрено. Может отчасти я и сама виновата – я настолько перестала чувствовать себя женщиной после побега Хамдана, что на автомате отодвинула постельный вопрос куда-то совсем далеко, на задворки... Я даже рада была, что он не намекал все эти месяцы... Но Хамдану об этом знать категорически нельзя...

Хмыкает.

Отворачивается.

Смотрю на него с опаской.

Возмужал. Стал еще красивее. А еще жестоким и циничным...

Как сам дух пустыни...

Долго смотрит на небо, словно бы разговаривая с ним. Потом снова переводит глаза на меня. Я нервно вздрагиваю.

Голова покачивается. Я оседаю на землю. Усталость буквально сшибает с ног. Он видит это, тоже опускается на корточки, трогает лицо, небрежно смахивая прилипший песок.

– Самый идиотский поступок, который можно было совершить в пустыне, Виталина... Не знаю, в чем заботливость и ум твоего мужа, но он болван. Ты хоть знаешь, как мучительна смерть от обезвоживания? Как больно, когда ты еще жив, а твою плоть терзают голодные хищники? Вы не нашли бы выхода отсюда. Никогда...

– Разве ты тоже не хищник?! Ты и твои люди! Во дворце вы тоже оглодаете мою плоть! – нервы сдают. Его близость действует, как ток!

Он усмехается и скалится...

– Какая дерзость, Виталина! Смотришь в глаза своему повелителю, на ты, пререкаешься... Список твоих провинностей такой большой, что хватит на три смертных приговора... Присоединишься к своему муженьку?

– Отпусти его... – из глаз брызгают слезы, – он ни при чем... Он не знает о нас с тобой, Хамдан. Это ведь наши счета...

Вскрикиваю, когда он с силой хватает меня за подбородок.

– Никогда не смей называть меня по имени, рабыня! Для тебя я шейх Аль-Мазири!

Минутная слабость, когда мне вдруг показалось, что передо мной тот человек, которого я знала, проходит. Нет, не стоит обольщаться.

– Пожалуйста! – хватаю за подол его кандуры, – он ни в чем не виновен!

Отпусти его! Меня забирай. Делай рабыней своих жен, третируй, купай в своей ненависти, но он взрослый человек! У него давление! У него...

– Сука... – выдыхает презрительно, выдергивая из моих кулаков ткань, от чего я падаю, глотая песок, – как молишь... Мне нравится, как ты молишь, шармута... Я, пожалуй, заставлю тебя молить еще... Хочешь спасения своего недомужа, который оставил тебя на медленную смерть в пустыне, а сам рыдал передо мной, валясь в ногах и умоляя о пощаде только за себя, у меня есть для тебя решение! Сегодня ночью, как только мы прибудем во дворец, я овладею тобой на его глазах! Будешь молить меня, Виталина. Так молить, чтобы я не останавливался и брал тебя глубже, чтобы я поверил тебе и смилостивился над этим ничтожеством Аккертом...

Глава 5

Он не дает мне продохнуть.

Цепко держит в объятиях, пока мы спускаемся вниз- по подземному ходу. Извилистая каменная лестница покрыта влагой и мхом. От прелого приторного запаха меня мутит.

А может это от осознания всего ужаса того, что будет сейчас происходить.

Жмурюсь, когда тяжелые металлические двери скрипят.

Вздрагиваю, когда они тут же закрываются, пропуская нас внутрь.

– Вставай, Аккерт!– произносит грозно шейх, заставляя моего скрюченного в комок мужа резко подорваться...

– Вита? Ты жива? – говорит он потерянно, оглядывая меня припухшими от побоев глазами.

Морщится, когда понимает, что Хамдан хоть и поставил меня на ноги, но прижимает к своему телу за талию.

Я к ужасу своему ощущаю его эрекцию.

И снова кадры из прошлого.

Мы десятки раз стояли вот в такой опасной близости, в шаге от того, чтобы упасть в пучину своей страсти. Он шептал мне свои дикие, первобытные, грубые вещи- а я с ума сходила...

Теперь все тоже окрашено в порок, но у меня он вызывает только сковывающий, тотальный страх, ужас, бесчестие...

– Ты расстроился, Аккерт? Что твоя жена не была съедена гиенами?

– Теперь ее сожрут другие гиены,– говорит тот обреченно и опускает глаза на пол.

Я пораженно смотрю на своего мужа.

Ни единого порыва вступить или защитить... И даже факт того, что Хамдан лапает его жену не вызывает никаких эмоций.

Правитель это чувствует, словно бы специально провоцирует.

Его рука поднимается с талии мне на грудь, властно сжимает. Он опускает свое лицо, проводит носом и щетинистым подбородком мне по шее. Я плачу...

Филипп не смотрит. Просто не смотрит на нас, трусливо отведя глаза...

– Вот цена его любви, Виталина. Вот цена его мнимой заботы... Гиены, говоришь? Это ты меня назвал гиеной? А сам ты кто?! Потомок ублюдка, который сделал свое состояние на продаже несовершеннолетних девочек моей страны для сексуальных утех и трансплантацию органов... Твой отец, Виталина, либо выжил из ума, либо был одним из них, если допустил брак с таким! Этот человек... Ему руку запахло протягивать- потому что тут же испачкаешься...

А ты... Ты...– его лицо искажается в дикой гримасе ненависти и отчаяния,-ты отдалась ему... Ты стала его...

Я плачу. Плачу горячо, но бесшумно. Слезы застилают мне обзор.

Сердце так больно сжимается спазмами, что почти складываюсь. А когда он отталкивает от себя, тут же теряю равновесие и падаю на пол со стоном.

Хамдан на секунду прикрывает глаза. Кажется, что он страдает в этот конкретный момент. Что ему самому больно.

Я смотрю на нас со стороны. Это невыносимо... Невыносимо, что жизнь сделала с нами... Невыносимо...

– Все еще веришь в то, что он достойный человек, Виталина?

– Какая разница... ты все равно уже все решил...– говорю беззвучно...

Мою душу и так уже испили до дна... А ведь я еще даже не начинала жить в этом дворце...

– Сейчас я тебе покажу разницу, – усмехается зло Хамдан.

– Аккерт, у меня для тебя есть предложение.

Тот переводит глаза на Хамдана. Резко. С такой надеждой просящего, что мне даже гадко становится.

Так он не смотрел мгновение назад, когда пленитель меня лапал...

– Я сейчас овладею твоей женой... Как ты на это смотришь? Она строптивая у тебя, будет брыкаться... Поддержишь ее? За это я дарю тебе жизнь... Отпущу...

Мир замирает...

Я не шевелюсь.

Не дышу.

Не верю. Не верю, что это унижение происходит со мной...

В следующее мгновение вскрикиваю, потому что вместо ответа мой «горячо любимый муж» инициативно подходит ко мне, энергично вскочив с подстилки из соломы на полу и хватая за руки.

Я ору, брыкаюсь. Меня охватывает истерика. Дикая, агонизирующая...

Дышать нечем.

Легкие горят.

Я в аду, в АДУ!

Глаза Хамдана становятся чернее самой ночи.

Ноздри раздуваются, как паруса.

Он похож на дикого зверя...

Я на полу, брыкаюсь, но Аккерт держит сильно.

Сверху наваливается тяжелое тело Хамдана.

Оно так близко, его до боли знакомый запах такой сильный и насыщенный, что меня сейчас вырубит от ужаса и эмоций...

Нет.. Нет... Я не переживу этого насилия...

Не так... хуже быть не может!

Лучше бы меня реально гиены сожрали в пустыне!

Лучше бы под солнцем сгореть.

Грубый захват сначала на ступнях, щиколотках, потом на бедрах, треск ткани платья.

Мгновение на бесчестие без ласки и подготовки.

Это наказание. Это верный способ показать мне мое место на дне.

– Хамдан! – кричу я из последних сил. Так истошно, что кажется, что стены вздрагивают, – умоляю, не делай этого! Не так! Хамдан!

Он не слышит.

Совершенно ополоумел, совершенно сошел с ума от похоти и ярости.

– Я невинна, Хамдан! У меня не было мужчины! Пожалуйста! Не так!

Он замирает.

Словно бы мои слова доходят до него с опозданием.

Смотрит на меня совершенно стеклянными глазами.

В какой-то момент отшатывается, а потом переводит глаза на все еще сжимающего меня Аккерта, который теперь и сам не понимает, что делать, чтобы угодить йеменскому султану.

Дикий рык, похожий на крик зверя.

Рывок Хамдана.

Стон Аккерта, сдавленный и ничтожный.

Он прижимает его за горло к стене, поднимает над землей своей не дюжей силой.

– Что это за игры за такие проклятые?! Одурачить меня решили?!

Я плачу, пытаюсь собрать по осколкам свою душу и бесчестие... Я все равно растоптана. Даже не смотря на то, что физически Хамдан меня не тронул.

Я растоптана своим мужем, который даже голоса не подал, чтобы меня защитить... Побороться за нас...

Я смотрю на Аккерта.

А он на меня. Видит мою агонию.

– Мой протест все равно бы ничего не дал! Это из-за тебя, стерва, мы тут! Я тут из-за тебя! Он все равно тебя заберет! Так пусть подавится! Ты мне не нужна!

Минуту назад эти слова могли бы ранить, но не теперь.

Теперь я слишком пуста, чтобы что-то чувствовать...

Аккерт закашливается, потому что Хамдан сжимает его шею еще сильнее.

Глаза навывают.

Дыхание, как у загнанной лошади. Той, что он убил в песках...

И да, Хамдан был прав. У него не было желания меня защитить. Он думал, что я умру там, в пустыне. А может быть, как раз на меня хотел отвлечь внимание, когда убивал лошадь, не выдержав погони, а я не поняла и сумела спрятаться в удачно подвернувшейся расщелине...

Хамдан опускает.

Филипп безвольной тряпкой падает на пол.

Я помню поворот головы правителя на меня. Помню его взгляд...

Он тоже пустой. Такой же, как у меня...

– Твой муж тоже занимался торговлей несовершеннолетними. Отсюда его баснословные богатства. Вот цена вашему благородству, Виталина. Вот твоя цена. Так тебя оценил собственный отец... На рассвете Аккерта казнят.

Это мой последний приказ. Стража!

Позвал громко- и дверь снова со скрипом отворилась.

– Этого в камеру смертников. Девчонку в медицинский центр. Пусть обработают ей ноги-они все в ожогах и порезах. А еще пусть осмотрят ее полностью. Я должен иметь подтверждение, что она невинна.

Потом он перевел глаза на меня. Убийственный взгляд. Гвоздящий.

Порабощающий.

– Если ты наврала мне, Виталина, ты сильно за это заплатишься...

Глава 6

Шок, усталость, боль в ногах ударили разом. Выверенно. Четко. Под дых.
Я пытаюсь встать, но не получается.
Ко мне подходят стражники. Порываются поднять, но...
Хамдан тут же рычит и не пускает.
Грубо что-то рявкает на своем наречии, что я не разбираю.
А в следующую секунду подхватывает сам.
Я снова на его руках.
Точно так же, как в пустыне.
Когда выходим из темницы, прикрываю глаза.
У меня нет сил смотреть на Аккерта.
И даже не то убивает, что он сам подложил меня под пленителя, надеясь тем самым спасти собственную шкуру.
В голове набатом слова Хамдана о том, чем он занимался, на чем сколотил состояние...
Мне становится гадко.
Даже думать боюсь о том, действительно ли в это вовлечен мой отец...
Не может быть.
Он слишком благороден был и принципиален для такого!
Мы идем по извилистым коридорам дворца.
Нет сил даже смотреть по сторонам.
Здесь и сейчас- редкое мгновение, когда я могу выдохнуть. Хамдан не будет сейчас меня терзать- ни физически, ни морально.
Разлепляю веки только тогда, когда их настойчиво тревожит слишком яркий свет больничных покоев.
Надо же. Как в современной больнице. Кто бы сказал, что это во дворце, который весь своим грозным видом напоминает средневековый замок, затаившийся в песках...
– Отдыхай, Виталина,– произносит он, как только кладет на кровать,– силы тебе понадобятся...
Шейх оставляет за собой шлейф своего запаха, который я не спутаю ни с чем.
Возможно, факт того, что он лично принес рабыню в медицинское крыло, производит впечатление на этих людей, а может они всегда серьезно относятся к своему делу, но меня тут же окружают заботой.
Сначала мне дают возможность помыться.
Даже не предполагала, что душ повлияет на меня так животворяще.
Высушивают волосы, смазывают руки питательным кремом, лицо увлажняют- оно все заветрилось от пребывания в пустыне.
Я дышу сквозь зубы, когда меня кладут на живот и чем-то целительным обрабатывают пылающую спину от солнечных ожогов...
Дальше следует настоящий комплексный чек ап.
Пока кто-то обрабатывает раны на ногах, другие забирают кровь, меряют давление, подгоняют аппарат узи. Потом быстро проводят осмотр того, что так рьяно хотел узнать Хамдан...
Я уже немного расслабляюсь. Эта ситуация для меня гораздо более понятная, чем дворцовые интриги, но рано!
Потому что в этот самый момент в комнату входят три женщины. Они с ног до головы облачены в черное. Только глаза в прорези. Светлые глаза...
На мгновение мне кажется, что эти женщины европейки, но... как только они синхронно поднимают вуали, я понимаю, что нет.

Они прочно стоят двумя ногами в мире Востока. И по тому, сколько золота на их запястьях, я уже догадалась, кто это...

Три жены Правителя Хамдана.

Они смотрят на меня исподлобья, враждебно, дико...

По телу пробегает озноб.

Позади появляется еще одна фигура. На этот раз мужская...

Мужчина с повязкой на голове. По типу, как повязывает свой тюрбан Хамдан, но она песчано-коричневого цвета. И платье белое.

Да и вид у мужчины женоподобный...

– Встань, когда стоишь подле жен правителя, рабыня!– говорит он повелительно.

Я подрываюсь. А в следующее мгновение мою щеку ослепляет вспышка.

Одна из трех ударяет меня, совершенно не церемонясь.

– Дерзкая...– шипит она на плохом английском,– ты осмелилась бежать из дворца, когда Правитель тебя мне подарил?

Он подарил меня ей? Это так называется?

Внутри все сжимается...

– Это правда, что он сам рисковал собой, чтобы спасти твою ничемную душонку?

Я смотрю в пол. Кусаю щеку изнутри, чтобы не сорваться и ничего не сказать в ответ.

Я выдержу, выдержу. Это лучше, чем лежать под Хамданом в пыли, боли и бесчестии, когда тебя держит собственный муж. Это лучше, чем быть растерзанной гиенами. Теперь, при свете ламп в больнице, после душа, я это уже понимаю...

– Не думаю, что она представляет опасность, Фатима,– произносит вторая. Она моложе. И взгляд более спокойный. Равнодушный что ли,–говорят, ее муж предатель и преступник. Его убьют завтра. За ним охотился Правитель...

Та, что Фатима, самая старшая, морщится презрительно.

– Лейс, ее проверили на вши и паразитов?

– Да, госпожа, Все чисто...– отвечает тот самый мужчина в чалме в дверях с хитрым взглядом.

– Хорошо. Тогда поставь ее служить в моих покоях. Завтра ночью ко мне придет повелитель. Пусть приготовит постель...

Я вскидываю взгляд- и его моментально ловит третья. Красивая...

Дерзкая такая, огненная... В ее глазах есть укол и язвительность... И еще мне сложно ее разгадать. Пока сложно...

– Она и правда невинна? – спрашивает она про меня, словно бы я пустое место.

– Да.

Она морщится и усмехается...

– Может есть смысл выдать ее замуж за одного из слуг? Зачем ей мозолить глаза во дворце?

Фатима переводит тяжелый взгляд на самую молодую.

– Спасибо за совет, Ширин, но я сама распоряжусь своей рабыней. Ты жди, пока правитель подарит тебе свою...

Та усмехается. Но видно, что уязвлена.

– Значит состояние ее здоровья удовлетворительно? Она может приступить к работе?

– Пусть переночует- и да, госпожа. С утра она в вашем распоряжении.

Женщина кивает, разворачивается и так же стремительно выходит прочь в сопровождении двух других теней.

По моей коже бежит холодок...

На передний план выходит тот самый мужчина.

На его лице заценивающая усмешка.

– Сядь, девочка. При мне можешь не стоять. Я не вельможа и не правитель. Уж тем более, не одна из его жен... Я всего лишь смотритель гарема. Евнух... Принесите девушке еду и через полчаса пусть ложится спать.

Подозрительная доброта. С чего бы?

Он считывает мой немой вопрос в глазах. Усмехается...

– Удивлена? Не стоит... Лейс слишком пронизательный малый, иначе бы давно уже моя голова сушилась на пике при входе в пустыню. – говорит он о себе в третьем лице. Интересная манера... – Захват яхты, поиски в пустыне, возвращение во дворец на руках самого правителя...

Он берет меня за подбородок и смотрит в глаза.

– Кто ты, красавица? Неужели та, о ком слагают легенды?

Я замираю, смотря на него.

Он усмехается и отходит, явно давая понять, что разговор окончен.

– Отдыхай, Виталина. Завтра у тебя начнется новая жизнь. Советую смириться с ней. А еще советую помнить, что в этих стенах, которые могут показаться тебе очень жестокими, я всегда могу прийти тебе на помощь...

Если ты будешь помогать мне...

Глава 7

Руки слегка подрагивали, когда с наступлением вечера следующего дня я шла в покои к Фатиме, первой жене Хамдана...

Сегодня он к ней придет...

И мне придется им прислуживать...

Эти мысли так сильно, так яростно били по вискам, что даже отвлекали внимание от все еще зудящих ступней.

Волшебные крема в больнице шейха действительно имели животворящий эффект, но... раны на ступнях все-таки были ощутимые, ведь не только беспощадная пустыня была виной моих повреждений, но и жесткая рука начальника охраны, который не жалел палки, чтобы наказать меня за строптивость, унижить и подавить при встрече с шейхом...

Когда я зашла внутрь, Фатима даже головой не повела.

На этот раз она была без чадры. Ее густые иссини-черные распущенные волосы обрамляли острое, скуластое лицо. Недоброе, но и не некрасивое. В ней чувствовалась порода и прозорливость. Она не была девочкой. Скорее ровесницей Хамдана.

Глобально они были парой друг другу. Два хищника...

Мягкая музыка стелилась по комнате, в такт играющему пламени свечей.

Фатима что-то читала при свете лампы у кровати. Значит, грамотная.

Еще бы. Она наверняка высокого происхождения. Какая-нибудь шейха, принцесса...

– Расставь закуски на стол. Не перегружай его. Шейх не любит нагромождения. И придет он сюда за легкой трапезой, а не объедаться, – даже не подняла на меня глаза.

Я молча сделала то, что она просила.

Едва не рассыпала конфетницу с пахлавой, когда двери в покои отворились нараспашку, Он...

И запах благовоний стелется вокруг его высокой фигуры.

Уд, амбра... Они удивительно ему подходят...

Я ведь знаю его природный запах... Словно бы созданный для этих драгоценных арабских ароматов.. Словно бы рожденный для этой гармонии.

Он смотрит на Фатиму, которая грациозно откладывает книгу и, улыбаясь, встает к нему, а потом переводит тяжелый взгляд на меня.

Не знаю, как себя вести.

Имею ли право сейчас поздороваться? Или меня снова обожжет унижительная пощечина.

Решаю просто опустить глаза.

– Рабыня уже может стоять на ногах? – спрашивает вдруг он, критически оглядывая мои ступни.

Фатима подходит к нему и повисает на шее, потягиваясь, словно бы кошка.

– Думаю, у нас есть более интересные темы, чем обсуждение ног рабыни, не находишь, мой повелитель?

Он не отвечает, но обхватывает ее талию в тиски.

А другие тиски сковывают мое сердце...

Господи, что означает это самое «прислуживать в покоях»... В голову лезут самые ужасные мысли.

Нет, я не смогу смотреть на то, как он и она...

От этих мыслей даже голова кружиться начинает.

– Ты, помоги господину! – вдруг резко приказывает она, – когда приходит повелитель, ты обязана снять с него бурнус и обувь. Здесь он должен чувствовать себя расслабленно!

На толику секунды наши глаза с ним снова пересекаются.

Я нервно сглатываю, пока Фатима отходит к столику и наполняет два украшенных драгоценными камнями бокала бузой.

Делаю несколько нерешительных шагов к Хамдану. Дрожащими руками берусь за застежку бурнуса. Невольно касаюсь подушечками пальцев его кожи. Меня простреливает...

Он наблюдает за мной. Выше на полторы головы. Видит мое смятение, мои покрасневшие щеки...

– Прости мою рабыню, повелитель! Она совсем неопытна...

Ее слова сейчас- совсем не к стати.

Почему у меня ощущение, что все внимание на мне...

Фатима смотрит. Она явно смотрит.

Это не просто попытка наказать меня, показать мое место.

Я нутром чую, что-то тут не так...

Когда я снимаю с него верх и он остается с голым торсом, садится на кресло.

Повторных намеков не нужно.

Я сажусь на колени и стягиваю один сапог. Потом второй.

В ужасе понимаю, что на моем платье довольно смелый вырез. Нет, оно скромное, без украшений, в нейтральном песочном цвете, но вот только в такой позе ложбинка между грудей очень уж выделяется.

И он смотрит туда.

Это пытка какая-то.

Господи, помоги мне.

Когда это все закончится.

– Расторопнее!– снова возмущается жена,– господин, прошу к столу.

Ее фраза, адресованная Хамдану, мягкая, воркующая.

Он в последний раз лезвием бритвы проходит по моему силуэту, а потом молча встает и садится за стол.

– Будешь прислуживать. Каждые три минуты обновляй закуски. Так, чтобы не мы вспоминали о тебе, а ты сама следила за временем.

Хамдан больше не поворачивает ко мне головы.

Они разговаривают между собой. В основном на наречии, в котором я разбираю далеко не все, но стоит вслушаться- начинаю улавливать, опираясь на корни в словах (прим.– арабский язык имеет корневую структуру, потому при сноровке к диалекту можно быстро привыкнуть, зная литературный язык как основу).

Я невидимка. Обновляю еду, меняю местами, подливаю бузу.

– Как тебе будущая четвертая жена, Хамдан? Вчера ты встречался с ней и ее отцом... Говорят, она прекрасна, как роза зари!

– Ты знаешь, Фатима, брак с ее кланом- это политическое решение. Мужчина должен думать головой при таких вопросах, а не желаниями...

– Ты прав...– выдыхает она,– стратегия верная, повелитель, союз с высокогорным кланом Шаар даст тебе непобедимость и окончательно укрепит на престоле... Тем более, если мы говорим об их мятежном духе.

– Я все-таки не уверен в ее брате,– выдыхает тяжело Хамдан,– этот урод беспринципен и властолюбив настолько же, насколько и порочен...

– Порочен?– усмехается она, томно облизывая губы,– я слышала, что Ихаб порочен и ненасытен. Женщины любят его. Он учился в Европе. Не устану повторять, что женщины сами создают пороки в мужчинах... Но разве это не его слабость? Сыграй на этой порочности...

Он поднимает на нее глаза. Отпивает из бокала.

– Он прибывает завтра? Сколько будет гостить.

– Несколько дней,– выдыхает Хамдан,– борюсь с собой, чтобы преодолеть неприязнь и не убить сукина сына. Этот союз и правда нужен мне. Старик клана ничего не решает. Это стало понятно после его приезда. Там рулит всем именно Ихаб. Потому придется принимать его с почестями и радушно...

– Уверена, что твой гарем справится,– смеется она,– не поскупись, правитель. Напитай его пороки. И тебе воздастся с лихвой...

Хамдан усмехается,

– Лейс уже во всю готовится. Завезли каких-то новых девиц. Пусть выбирает. Мне не жаль.

– Красивые? – лукаво приподнимает она бровь.

Хамдан знающе улыбается, откидываясь на стуле.

– Не красивее моих лун...

Атмосфера между ними накаляется. Мне неприятно, душно, гадко, не знаю, куда себя деть.

Все эти мои попытки сейчас обслуживать стол жалкие. Я сбиваюсь по времени, становлюсь неуклюжей.

Когда невольно опрокидываю очередные орешки на стол, Хамдан зло цепляет глазами. Его взгляд жадно пробегает по моей оголенной руке и снова поднимается к декольте.

Все это как-то чудовищно неправильно...

– Пусть она уйдет отсюда.

Фатима стреляет по мне острым взглядом и повелительно машет.

Я сбегая наружу, касаюсь двери и долго-долго дышу...

Пульс в горле.

Боже, что это сейчас было...

Глава 8

Скромная коморка, ставшая мне единственным местом уединения, где можно снять маску покорности и попытаться перевести дух перед очередной схваткой с миром, который опасен, чужд, враждебен и полон неизвестного – это все, что осталось от личного пространства.

Я смазываю ноги лосьоном, который дали мне в больнице, смотрю на себя в небольшое зеркало- под глазами синяки, похудела.

Мне страшно. Мне объективно страшно. Я боюсь даже глаза поднять на шейха – там столько тьмы и гнева... И в то же время, кто, кроме него, здесь мог бы быть мне другом? Никто. Вот в этом парадокс. Для него я хотя бы эхо прошлого. Для других- просто смазливая рабыня... Меня пережуют и выплюнут...

Прислуживать им сегодня было унизительно. Почему шейх это допустил? Показать мое место? Избавить от иллюзий? Так их давно уже нет...

Он не отправил меня в гарем, сделал рабыней Фатимы. Зачем? Потому что я не соответствую его высоким стандартам в отношении девочек для утех? В гаремах ведь такие, наверное...

На столе стоял поднос с вечерней трапезой- я даже к ней не прикоснулась. Аппетита не было...

Когда в дверь постучали и потом тут же вошли, явно намекая, что стук- это не разрешение на вторжение в зону моего пространства, я тут же подобралась.

Лейс.

Тот странный мужчина с цепким взглядом.

Я пока не понимала, что от него ждать...

– Как прошел прием у шейхи Фатимы, Виталина?

Он уже и имя мое знает. Улыбка мягкая, но я не расслабляюсь. Ни на секунду.

– Штатно... – ответила сухо, отвела взгляд.

Он закрыл за собой дверь и сел на кресло у окна. Головой кивнул на еду.

– Тебе нужно есть, русская птичка. Опрямительно с твоей стороны. Поверь мне, выживание во дворце- это дело индивидуальное. При этом не имеет значения, раб ты, евнух, любимая наложница, жена или даже сам правитель... Наш мир жесток, но прекрасен...

Прекрасен тем, что он, как мираж- может превращать сказку в реальность... У вас, на Западе, чудес почти не происходит, а тут... И последний станет первым...

– К чему Вы клоните?

Он снова хитро улыбнулся.

– Кто ты, прекрасная чужестранка, так интересующая грозного хладнокровного правителя? Что вас связывает? За теми взглядами, которыми он тебя провожает, есть история. Я слишком опытен, чтобы этого не замечать...

Ну да, так я тебе и скажу...

– Вы ошибаетесь... Само то, что он отдал меня в рабыни жене, а не... – произнести слово «гарем» сейчас было почему-то унизительно...

Лейс хмыкнул.

Подошел ко мне и приподнял лицо за подбородок...

– Судьба зло посмеялась надо мной, Виталина. Я имею власть и богатство, я поднялся выше, чем кто-либо из своей семьи и даже предков. Но я лишен главного достоинства мужчин- я не могу обладать самыми прекрасными женщинами, хоть и обречен вечно на них смотреть... Но судьба такова, моя хорошая, что она никогда не забирает все. Взамен утраты она дает тебе что-то еще. Я немощен как мужчина, но у меня есть другая сила- мои глаза не затемнены

похотью к женщине. Я смотрю на нее через ее отражение в глазах своего правителя. Для меня все ответы там. И они у меня уже есть. Нет только части калейдоскопа, но ты молчишь...

Манипулирует. Вот прям классический евнух из всех этих сериалов, книг и женских фантазий...

– Вы говорите загадками... Все время...

– Потому что мы на Востоке. Здесь реальность переплетена с вымыслом, здесь любая фантазия может стать реальностью. Здесь миф управляет будущим... Вы, на Западе, утратили эту уникальную возможность чувствовать голос первозданного, видеть окружающее таким, каким его создал Всевышний. А мы держимся за наши традиции. Они помогают смотреть в будущее, чтобы глаза солнце не слепило, Зарка Имама...

– Что?– недоуменно спросила его,– как Вы меня назвали?

Он улыбнулся...

– Еще в доисламские времена на этих землях жила прекрасная девушка из племени Жадис (прим. –здесь и далее известная в арабском мире легенда). Ее звали Зарка Имама. У красавицы были пронзительные светлые глаза, как у тебя. Но сила ее была не только в красоте, но и в умении видеть заранее опасность. В те времена племя Жадис находилось в состоянии вражды с племенем Тамим. Однажды враги решили напасть на Жадис- и Зарка увидела это за три дня. Предупредила своих соплеменников. Но ей не поверили. Враги, зная про ее способность, придумали хитрость- каждый нес перед собой дерево или ветви, чтобы выглядеть изда- лека, как лес. Она снова воззвала к главе клана. Он не послушал- племя перебили, а ее пленили. Правитель Тамима пылал к ней страстью и пытался сделать своей, но она была неприступна. Тогда он приказал выколоть ей глаза... Эта древняя легенда перекликается с греческим мифом о дочери Троянского царя Приама Кассандре, к которой воспылал страстью сам Аполлон, но за то, что она не ответила ему взаимностью, одарил ее способностью видеть будущее, но не быть услышанной современниками. Когда Троию захватили греки, Кассандра стала всего лишь наложницей царя Агамемнона.

– К чему Вы?

Он снова хитро на меня посмотрел.

– В Сабе верят, что эту землю спасет новая Зарка Имама. Так было предсказано. Жен- щина со светлыми глазами. Именно поэтому правители этих краев по традиции могут выби- рать себе в жены только светлоглазых. Парадокс, но в наших краях таких не мало. Йемен всегда был на пересечении цивилизаций. Крови разных народов смешивались здесь, создавая кра- соту. Глаза всех жен шейха светлые, как ты видела, но ведь я...– он усмехается, – знаю и вижу всегда больше, чем другие в этом дворце... Мое сердце подсказывает мне, что ты не зря вошла в эти двери, красавица моя... Молчишь ты сейчас или нет- но твоя судьба навсегда связана с этим дворцом...

– Я не хочу быть его частью...– вырвалось из меня сдавленно,– помогите мне бежать... Я... я заплачу...

Он засмеялся. Словно бы я и правда сказала что-то очень смешное...

– Поздно, русская красавица... Бежать поздно. А вот начать выживать и лавировать- в самый раз... Как думаешь, почему сегодня Фатима заставила тебя прислуживать за ужином господину? Создавала провокационные ситуации... Она проверяла его реакцию на тебя, а она не заставила себя ждать. Он хочет тебя. Он тобой взбудоражен... То, что ты теперь опасность для них троих- и дураку понятно. Мужчины слишком открыты в своих эмоциях, милая моя. Он думал, что спрячет тебя от своих глаз и от подозрений в роли той, кто не достойна гарема, а на самом деле...– снова усмешка,– он не остался в покоях Фатимы, если тебе интересно. Ушел к себе сразу после твоего ухода. И никого не вызвал из девочек...

Я нервно вздохнула, а он продолжил.

– Фатима- первая и главная жена. Ее род очень сильный. Именно на их союзе держится стабильность власти Хамдана. Но любви там нем с обеих сторон. Только расчет. Фариза, вторая жена, не представляет для тебя опасности. Она меланхолична, отстраненна, равнодушна. У нее, как говорят у вас в Европе, депрессия и апатия, хотя мы считаем, что это джинн такой ее сделал. Отец выдал ее за Хамдана ради того, чтобы оставить за собой южную провинцию. Ширин- огонь. Третья, самая молодая, самая амбициозная. Она считает, что не только красива, но и достойна всего... Это тоже благородная сабийка из древнего рода, которая восходит своим корнями к самой Царице Савской. Ее амбиции, конечно, не на третью жену. Да и к Хамдану она и правда испытывает страсть. Когда они только поженились, я даже был вынужден признать, что она волновала его как женщина. Два-три месяца страсть в их постели горела. Он брал ее с собой в путешествия и во время госвизитов, проводил много времени в ее покоях, но... Ширин не смогла родить. А может дело не только в этом. Со временем отношение ко всем трем женам правителя выправилось и сейчас примерно одинаково. Хотя и не без частностей. И да, Зарка... Наследников у него пока нет... Фатима произвести на свет, когда они только поженились, но это девочка. Правитель очень ее любит. Но... дочь никогда не укрепит династию... Именно поэтому он должен жениться в четвертый раз. Этот брак обязан принести аль-Мазири наследника. Или род Хамдана будет обречен на провал и безвестность... Вот твоя реальность, русская пташка... Реальность, в которой тебе нужно не просто выжить, но и найти свое достойное место. А вот что такое в твоем понимании «достойное место» и как его получить- это тебе пища для размышлений перед сном. Перестань цепляться за тени прошлого и жалеть себя. Выживи. Поднимись. Стань той, кто достойна. Создай из миража реальность.

Глава 9

Музыка разливалась по залу мягкими переливами. Красиво. Есть в йеменской архитектуре- аскетичной в цветовой гамме, но богатой на узоры, вытесанные в самом камне, что-то заставляющее заворожено замереть.

Об этом ощущении восторга перед лицом опыта и времени мне когда-то рассказывал Хамдан, прельщая своей культурой, притягивая, заставляя поверить, что наступит день- и я стану ее частью...

Наступил день, когда моя нога действительно ступила на эту землю.

Только я не в роли госпожи. Я рабыня. Простая рабыня, которую ее хозяйка назначила прислуживать за трапезой почетного гостя...

На мне вышитое платье из черного шелка с золотой россыпью, волосы распущены, глаза подведены сурьмой.

Меня делают заметной. Хотят выделить...

Когда наши взгляды с Лейсом пересекаются, стоит мне только выйти в зал, он сначала хмурится, а потом хитро прищуривается. Я уже знаю эту его реакцию. Он затаился и наблюдает.

Что-то будет сегодня. Будет...

Меня в компании еще нескольких девиц в похожих нарядах заводят в маленькую комнату.

Слышу из-за стены, что музыка усиливается и нарастает. Ей вторят голоса- женские и мужские. Разговоры, смех, шаги...

Сердце бьется...

К нам заходит женщина с темными запавшими глазами. Со строгим, бесстрастным видом заявляет, что сейчас нам нужно будет обслуживать прием- разносить яства и подливать из металлических, украшенных камнями кувшинов напитки в бокалы гостей.

Когда я снова выхожу в зал в числе других девушек, даже голову боюсь поднять на присутствующих.

Но приходится.

Здесь мужчины и женщины. Три жены Хамдана. Еще две женщины- одна молодая, другая постарше. Они в закрытых платьях темно-синего дымчатого цвета, но лица открыты. На них много украшений, говорящих об их статусе.

Я робко цепляю взглядом Хамдана. Неизменный черный тюрбан, закрытая до горла черная одежда. Еще несколько мужчин, среди которых явно почетный гость.

Он тоже молод. Явно высокомерен. Его черты острые, почти орлиные.

И он производит впечатления отнюдь не доброго мужчины.

Гортанные смех, разговоры, появление красивых девушек в еще более легких, открытых дымчатых нарядах, которые начинают танцевать и извиваться перед гостями. Это гаремные жительницы, судя по всему... Вот о ком говорил Лейс. Вот куда я «недостойна» была попасть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.